

БЮЛЛЕТЕНЬ

СОВЕТА РОДСТВЕННИКОВ УЗНИКОВ
ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ В СССР

*«Помните узников, как бы
и вы с ними были в узах
и страждущих...» Евр. 13, 3*

24

Москва, 1975 г.

Записки верующего

Владимир Хайло

Мир вам, дорогие братья и сестры, приветствуем вас любовью Господа Иисуса Христа. Мы, ваши брат и сестра во Христе, Хайло Владимир Павлович и Хайло Мария Емельяновна, и наши детки (их у нас четырнадцать душ) обращаемся к вам: помогите, чтобы мы исполнили то, что сказал Христос, что нет ничего тайного, чтобы не было явным. Христос говорил: «Я пошлю Духа утешителя, который придя обличит мир о грехе, о правде и о суде». Давид говорит в своем пророчестве: «Рука Твоя найдет всех врагов Твоих, десница Твоя найдет ненавидящих Тебя», (Пс. 20, 9) ибо они предприняли против тебя злое, составили замысел, но не могут выполнить, потому что христианами все обнаружено.

Мы обращаемся к вам, выслушайте нас внимательно, почему мы хотим оставить СССР и выехать в любую страну, которая примет нас. Первое заявление мы подали в июле 1974 г., такого содержания:

Представителю Президиума Верховного Совета
СССР Подгорному Виктору Николаевичу
от Хайло Владимира Павловича и Хайло Ма-
рии Емельяновны, проживающих по адресу:
Ворошиловградская обл. г. Красный Луч. шахта
22-4 бис. ул. Северная д. 11

Заявление

Мы, Хайло Владимир Павлович и Хайло Мария Емельяновна, отец и мать четырнадцати детей, десяти сыновей и четыре дочери в возрасте от 19 лет до 2-х месяцев, просим вас дать нам разрешение на выезд из СССР в Канаду.

Мы по вероисповеданию евангельские христиане-баптисты, за что нас местные власти не терпят и репрессируют.

1. Поносят нас как бесчестных, публикуют о нас всякие лживые статьи и заявляют, что мы мешаем им строить коммунизм.
2. Власти покушались на мою жизнь, чтобы оставить детей сиротами и воспитать их в атеистическом духе.

3. Органы КГБ постоянно преследуют меня, заставляют отречься от моих убеждений или же стать Иудой, ходить среди братьев и предавать их.
4. Видя, что я не отступаю и не соглашаюсь на их предложения, в КГБ мне прямо заявили, что детям моим будет закрыта дорога учиться и работать, «сделаем их бандитами и воспитаем в тюрьмах».
5. Это обещание органы КГБ уже начали выполнять. Создали дело на старшего сына и осудили на восемь лет, хотя его невиновность была подтверждена документами и свидетельскими показаниями.
6. Миша и Саша, два других наших сына, не аттестовались в школе, специально были запущены, чтобы отправить их в спецшколы для умственно отсталых.

Просим вас не отказать в нашей просьбе и дать нам возможность выехать из СССР.

20 июля 1974 г.

Хайло В. П.

Хайло М. Е.

Обращаясь к вам, дорогие братья и сестры, я не хотел бы вспоминать, что было со мной в прошлом, но так как газеты меня клеймят и постоянно напоминают о прошлом, то выслушайте меня и рассудите сами. Вот, что писала обо мне Ворошиловградская областная газета «Прапор перемоги» № 24 (7094) от 2 февраля 1974 года.

На атеистические темы

«Под маской святоши»

На одной из остановок в переполненный автобус втиснулся широкоплечий еще не старый мужчина в темной фуфайке. Сначала на него никто не обратил внимание: в шахтерском городке такая фигура не бросается в глаза. Но через некоторое время среди размеренного гомона пассажиров все выразительнее слышался голос этого человека. Он говорил что-то о тяжелом наказании за непослушание, о мирских грехах, которые могут быть прощены лишь в ежедневных молитвах, о грядущем дне суда Господнего...

— Он что, с ума сошел? — удивлялись молодые люди, стоящие рядом.

— Да нет, просто перепутал автобус с молитвенным домом, — ответил кто-то.

Но шофер противопожарной части № 17 В. П. Хайло вовсе ничего не перепутал, а делал это совершенно сознательно. Именно так учит действовать свою паству верхушка раскольников, которая несколько лет назад выделилась из зарегистрированной секты евангельских христиан-баптистов. Она требовала разрешения вести религиозную пропаганду в общественных местах, внедрить в школах преподавание «закона Божьего» и т. д.

К этой нелегальной секте и приобщился гражданин Хайло. Последнее время он стал проявлять такую активность по вербовке в секту новых «братьев и сестер», что в общественные организации Красного Луча посылали письма с требованием усмирить боевитого сектанта. Люди писали, что Хайло, прикрываясь верочением, систематически нарушает советское законодательство о культах, бессовестно чернит советскую действительность.

Наиболее тревожные сигналы поступали из школы. В них указывалось в частности, что Владимир Хайло и его жена Мария, имея тринадцать детей, настраивают их против учителей-коммунистов. С учетом всех этих обстоятельств было принято решение провести выездное заседание административной комиссии исполкома Краснолучинского горсовета.

В назначенное время в красном уголке противопожарной части, где работает Хайло, собрались представители общественности, члены личного состава части, учителя. После сообщений сделанных секретарем горисполкома В. И. Войналовичем и заместителем председателя административной комиссии исполкома горсовета В. П. Шороховым, начали говорить люди, которым судьба семьи Хайло, далеко небезразлична.

...Многие из присутствующих в том числе и те, которые несколько лет подряд трудятся рядом с Хайло, впервые, например, услышали, что этот ревнитель одной из первых Божьих заповедей «не укради». В 1951 г. народным судом Орловского района Ростовской области за хищение государственной собственности был осужден на 7 лет лишения свободы: года три тому назад, уже будучи руководителем нелегальной группы баптистов, этот «исцелитель» с шестиклассным

образованием принимал участие в проведении обряда «по изгнанию нечистого» у больной Довбул, которая вскоре после этой процедуры в состоянии исключительного нервного истощения, покончила жизнь самоубийством.

На словах Хайло проповедовал о любви к ближнему, рассказывал, что растит своих детей истинными христианами. Но на собрании говорилось совершенно иное: совсем недавно старший сын Хайло, 19-летний Анатолий вместе с группой таких же негодяев как и сам, совершили подлое преступление, искалечив девочку, почти ребенка. Кстати, в компании этих преступников вместе с Анатолием был и Виктор Скуматов, сын И. И. Скуматова, пресвитера общины евангельских христиан-баптистов Красного Луча, у которого и старший сын Александр за изнасилование осужден на 10 лет лишения свободы и отбывает справедливое наказание.

Факты, о которых шла речь, способны взволновать, возмутить человека любой выдержки. Но не таков Хайло. Вместо того, чтобы под влиянием неопровержимых доказательств хотя бы смутиться, он избрал наступательную позицию. Забыв о чести и совести, клеветал на всех присутствующих и особенно на учителей. Они мол, чтобы задержать умственное развитие его детей, поят их ядовитыми травами, жестоко избивают за малейший проступок. По комнате волной прокатывается рокот справедливого возмущения: кто же поверит такой наглой лжи?

А вот что говорит организатор внеклассной работы средней школы № 5, где учатся дети Хайло, Л. Г. Цивирко: «В нашей школе учатся шестеро детей Хайло: Михаил, Владимир, Александр, Ной, Иосиф и Галина. Дома им запрещают вступать в октябрята, а когда двое самых меньших надели октябрьские звездочки, отец выбросил эти знаки на помойку. Дети растут неопрятными, грубыми, жестокими. Больше всего педагогов беспокоит судьба Александра: он не раз бросал школу, попадал в милицию за хулиганство. Встретить ученика младшего класса и отобрать у него деньги, для Александра — обычное дело».

Рассказ Л. Г. Цивирко дополнила учительница этой же школы, классный руководитель Е. В. Кравченко, которая так же привела много доказательств плохого воспитания детей в семье Хайло В. П.

Забота о судьбе сынов и дочерей В. П. Хайло звучала так же в выступлениях начальника противопожарной части № 17 В. И. Ку-

рамшина, участкового маркшейдера шахтоуправления «Знамя коммунизма» Добищук В. Л., председателя женсовета противопожарной части т. Омельченко.

Заботясь о детях, наше Советское государство оказывает многодетным семьям ощутимую материальную помощь. Не стала исключением и семья Хайло: только за последние три года она получила от государства 2432 рубля материальной помощи. Пятеро учеников из этой семьи ежедневно получают в школе бесплатное питание. Только в декабре прошлого года двум детям Хайло было приобретено по зимнему пальто. Решением горисполкома семья освобождена от уплаты подоходного налога. И это без учета того, что Хайло имеет большой собственный дом, корову, двадцать ульев пчел, легковую автомашину.

В таких условиях элементарное понятие о порядочности, требует хотя бы проявления молчаливой благодарности, Хайло же не только не знает слово «спасибо», но клеветает на государство, на нашу советскую действительность.

... Бурным, пристрастным было собрание в красном уголке. Встретились два разных взгляда на жизнь, на нормы человеческого поведения, две идеологии. И решение собрания было верным и справедливым: если В. П. Хайло не изменит своего отношения к соблюдению советского законодательства о культах, не примется за воспитание своих детей, как надлежит отцу, горисполком вынужден будет передать их на воспитание государству.

Г. ПЛИСКО

Эта заметка была перепечатана несколькими районными газетами области. Появились и другие статьи, написанные разными авторами, но все одинаково твердили, что я вор и клеветник, мои дети умственно неполноценные, вырастают насильниками и хулиганами и их следует немедленно отнять у меня и передать государству.

В 1951 г., когда я работал слесарем на автобазе, меня вместе с пятью шоферами послали в командировку в Орловский р-н Ростовской обл. на сенозаготовку. Случилось так, что нам долго не высылали денег, не на что было жить и мы с товарищами решили продать бочку бензина, которую нам удалось выменять на ненужную нам рессору. По строгости тех времен в этом усмотрели уголовное

преступление и завели дело. Дело не клеилось, рессора была негодной для наших машин, никакой ценности для базы не представляла, но меня всё же арестовали.

Однажды меня вызвал следователь и спросил, могу ли я водить машину. Я ответил: «Могу». Мне предложили сесть за руль милицейской машины и везти следователя Лымаря и начальника районного КГБ по селам. К вечеру мы приехали на станцию Куберлу. Не доезжая до станции, мне предложили остановить машину. Вышел из машины начальник КГБ и приказал: «Выключи фары и жди моего сигнала. Если увидишь три коротких сигнала фонариком, включай фары и езжай вперед. Если один длинный сигнал, подъезжай ко мне, не включая фар». Через некоторое время я увидел впереди сигнал фонаря. Не включая фар, я подъехал к стоящему впереди темному зданию. Здесь ожидали двое, начальник КГБ и какой-то незнакомец. Мне предложили объехать здание и остановиться у окна. Начальник КГБ и новый товарищ вскочили в машину и стали ломиком выставлять раму, через несколько минут они были внутри здания. Машину начали грузить мешками с мукой и крупой. Потом я видел, как начальник КГБ размотал тряпку, которой был обмотан ломик, и бросил его у окна. Затем он попрощался со своим знакомым и мы поехали в район.

Я понял, конечно, что это была кража, но не знал, что можно предпринять, чтобы остановить воров. Когда мы приехали в город, я стал примечать, куда это наворованное будет отвезено. Все было развезено на четыре квартиры. Города я не знал и когда пришел в камеру, стал по памяти чертить на стене план, по которому можно найти наворованное. Утром я услышал разговор, что обокрали мельницу на ст. Куберле, и туда поехали работники следственных органов. Открыли камеру и я увидел начальника КГБ и какого-то незнакомого человека, который спросил: почему меня не постригли. Начальник КГБ сказал: «Это мелкий воришка! Дать ему коленкой под зад и пускай бежит отсюда». Меня это задело: «Ты ворюга, вчера обокрал мельницу, а меня называешь воришкой?»

Незнакомец закрыл дверь, переспросил меня, и я рассказал о ночном воровстве. А через некоторое время меня повели на допрос. Незнакомец оказался областным прокурором: «За что вы сидите?» Я объяснил. «Вас освободят, но пока ведется следствие по делу о краже на мельнице, вы побудете в камере».

Тем временем моего товарища Петра Левченко, который живет в Красном Луче, сразу освободили. Прошло три дня, в мою камеру привели задержанного. Тот расспросил за что сижу, а когда узнал, что меня скоро освободят, попросил передать записку его жене. Я согласился. Это была провокация. Меня снова вызвали к следователю. И тут я увидел, что следствие ведет тот же следователь, который участвовал в ограблении мельницы.

«Не хотел освободиться, а теперь я загоню тебя туда, где Макар телят пасет, за твой язык», — смеялся он надо мной.

В этот же день повели меня на суд, но в весьма странное время — в 12 часов ночи. Присутствовали два милиционера, судья, и, по-видимому, прокурор. Судья сказал: «Суд считается открытым». Объявил приговор — 7 лет заключения. Я возражал, но судья заявил: «Время сейчас позднее, я не намерен разбирать твоё дело».

Мне надели наручники.

Откуда ни возьмись появился мой старый знакомый — начальник КГБ. Он отвел милиционеров в сторону и стал им что-то говорить. Один отрицательно мотал головой, видимо, не соглашался. «Ну ладно, пусть Володька», — услышал я, и меня взяли из камеры и повели темной улицей и завели в какой-то парк. Мне сняли наручники и толкают в спину: «Беги». Другой милиционер наставил пистолет. Я только успел произнести: «Господи, спаси меня!» Вдруг из-за кустов выскочил какой-то военный и закричал: «Что вы делаете! Прекратить сейчас же!» Он позвал по имени каких-то ребят. Тут же появилась целая группа офицеров. «Сюда! Здесь чуть парня не застрелили». Оказывается, они стояли поблизости со своими невестами и все видели и слышали. Милиционеров стали ругать: «Так вы и на станции парня застрелили, а говорили, что побег делал». Военный записал мою фамилию.

После этих ночных происшествий привели меня в камеру. «Будешь кому-нибудь говорить?» — «Буду». Меня избили. А потом этапом отправили в ростовскую тюрьму, а потом в Волгодонск, где я пробыл три с половиной года. Писал жалобы, мне не отвечали. Однажды мне сказали, что в лагерь приехал полковник и принимает жалобы. Я рассказал всю свою историю. Он внимательно выслушал и спросил: «Вы хотите судиться с ними или освободиться?» — «Освободиться». Через неделю меня освободили.

Я вернулся в Красный Луч. Жена не захотела меня ждать

и вышла замуж. Я стал жить у брата. Запил. Женился вторично. Перед Пасхой жена попросила: «Ты хоть сегодня приди домой трезвым». Я не сдержался. Жена плакала, а я ругался. Когда я вышел на улицу, увидел как молнию сходящего Ангела с обнаженным мечем. От страха я закричал: «Господи, прости, больше не буду!...» и упал. На крик выбежала жена и упала на колени: «Господи, сохрани ему жизнь». Очнувшись, спросил: «Ты видела Ангела?.. Давай будем молиться Богу». Утром мы решили пойти в собрание. Потрясённые произошедшим, мы покаялись. Это было в 1957 г. Позже мы приняли крещение и стали членами Церкви Христовой.

В 1961 году пресвитер церкви объявил, что верующих нашей церкви приглашают в дом культуры. По дороге пресвитер мне разъяснял: «Пришли документы из ВСЕХБ. Нас будут заставлять их принять. Будет сильнейшая борьба: истинные дети Божьи пойдут страдать, их будут увольнять с работы, потому что они никогда не примут эти документы, ибо принять их — значит отступить от Господа». Я погрузился в молитву, и умолял Господа, чтобы Он мне дал силы быть верным Ему до конца.

В доме культуры было столько милиции, сколько и в области нет. Выступал атеист, оскорблял верующих, но они молчали. Оратор стал приводить примеры, когда верующие обращались за защитой к власти.

Начальник автобазы, коммунист Решетняк, слушая это, возмутился: «Зачем вы извращаете законы? Мы их защищаем как граждан, а что они молятся — это их право, гарантированное законом». Милиция вывела его из зала, а клеветник продолжал запугивать верующих. Я тогда многого не понимал и просто наблюдал.

Однажды в собрание зашел молодой парень, подал записку пресвитеру и ушёл. Он прочитал её и сильно побледнел. Оказывается, некая банда просила дать им пять тысяч рублей, чтобы выручить их из беды. «Если дадите, позже мы возвратим, а если заявите в милицию, прикончим служителей и сожжем их дома». Старший пресвитер ВСЕХБ по Ворошиловградской области, Гайворонский А. В., посоветовал обратиться к уполномоченному. Тот обещал помочь, но предложил обмануть бандитов: нарезать бумагу пачками, обложить снаружи деньгами и отдать бандитам как пачки денег, а работники КГБ тем временем окружают их и арестуют.

Пресвитер выполнил их наказ, сделал фальшивые пачки денег. В назначенный день к дому подъехала легковая машина с несколькими мужчинами. Пресвитер узнал одного, и дрожащими руками подал ему фальшивые деньги. Парня сразу арестовали и задержали его друзей. Парень пытался сопротивляться, но его сзади ударил чекист пистолетом по голове и тот упал.

На следующий день я вышел на дежурство. Когда я выехал на участок, нарядчик предложил мне подвести какого-то человека. По дороге тот стал жаловаться, что болит голова, мол, вчера в милиции перепил. Я удивился. Он не знал, что я верующий, и рассказал, что их, несколько человек, готовили в области для ограбления баптистов.

Через некоторое время в церковь приехали представители власти из исполкома и уполномоченный по делам религий. Они привезли нам «Положение» и «Инструктивное письмо» ВСЕХБ, чтобы церковь их приняла. Выступил уполномоченный: «Поскольку церковь отделена от государства, мы могли бы вас не защищать, когда на вас напала банда, но, если не примете эти документы, защищать не будем и закроем молитвенный дом».

Когда они ушли, пресвитер изменил прежние взгляды и стал одобрять антиевангельские документы и хвалить власти, чтобы не навлечь на себя гонения. Я встал и сказал: «Разве эту банду подослали нам не власти, чтобы запугать нас и заставить принять эти документы? Разве мы забыли слова Христа: "Если Я закрою, никто не откроет, а если открою, никто не закроет"?»

Пресвитер распорядился отлучить меня и мою жену, которая молчала, а также тех, кто был против этих документов. И сразу нас вызвали в исполком. Братство потрясли события, связанные с мученической смертью Хмары. Мы писали по этому поводу Генеральному прокурору. Уполномоченный по делам религии возмущался: «Оргкомитет клеветает на советскую власть, а вы слушаете и пишете о Хмаре ложь! Мы вас защищали от банды, которая хотела вас ограбить!»

Я приостановил его:

— Разве не вы это затеяли? Вы хотели запугать христиан и добились своего. У вас это хорошо получилось! Но Христос сказал: "Нет ничего тайного, что не стало бы явным". Господь обнаружил вас.

Уполномоченный расхохотался:

— Ваш пресвитер резал всю ночь бумажки, где же его чест-

ность? Как же вы ему верите? Видишь, как он за свою жизнь трясется? На любую сделку готов пойти!

Мне было очень больно слышать это.

— Бог не оставит и пресвитера убоявшегося, и поможет раскрыть ваши коварные замыслы.

— Я сотру тебя в порошок! Сгною, заточу «где Макар телят пасет»! — кричал в сильной ярости уполномоченный.

— Вот ваша подлинная доброта. И не клеветайте больше на Оргкомитет. Вы говорите, что Оргкомитет искажает события о смерти Хмары, значит, говорит ложь и Генеральный прокурор?! — и показал ему ответ прокурора, что люди, замучившие Хмару, понесут за это ответственность. Уполномоченный побледнел и пригрозил: «Хорошо, мы возьмемся за тебя». И обращается к своему сотруднику: «Проследите за всеми его действиями и заделайте ему так, чтобы комар носа не подточил, мы его проучим, как Генеральному прокурору писать. Пусть тогда его Бог защитит».

С этого времени мы вышли из зарегистрированной общины. Атеисты пришли в ярость и старались всячески вредить мне. С 1969 г. меня прямо на работе стали навещать чекисты из Ворошиловградского КГБ Ромашка и Егоров из Краснолучинского КГБ и силой заставляли вернуться в зарегистрированную общину.

«Я пойду туда тогда, когда вы выйдете оттуда», — ответил я.

«Мы сделаем так, что ты пойдешь на тот свет».

Однажды в пожарную часть, где я работал, приехало трое врачей делать какую-то прививку. Рабочие подходили по очереди. Старшая из них спросила: «А кто у вас здесь Хайло?» Начальник караула Шевяков сказал:

— Вот он, браток мой.

— А вы что, тоже верующий.

— Нет, мы с ним братья по плечам.

Врач посмотрела на меня и с сожалением спросила:

— Сколько у вас детей?

— Одиннадцать.

Я встревожился. Вспомнил слова Господа: «Если что смертоносное выпьют — не повредит им». Смотрю, она берёт шприц, а ампулу с лекарством взяла не из общей пачки, и сделала мне укол. Пустую положила в карман, а не в урну бросила. Рабочие это заметили.

К вечеру у меня поднялась температура, начались сильные го-

ловные боли, а я — на дежурстве. Напарники под утро вызвали скорую помощь. Мне дали какие-то таблетки. Через два дня температура спала, а голова болела. Прошло две недели.

Приехали Ромашка и Егоров. Стали со мной ласково говорить, хвалить за верность Господу. «Как ты все успеваешь, тут только от одних детей голова разрывается. Не болит ли у тебя голова?» — «Болит». — «Я в войну работал на корабле врачом, я привезу тебе очень хорошее чехословацкое лекарство». Вытащил блокнот, спросил, как болит голова и уехал. Через некоторое время опять приехал, предложил мне увидеться с Павлом Рытиковым, моим другом и братом по вере, который находился в Петровском лагере, но только с условием, что я буду доносить им, что он говорит, и разубеждать его в вере. Я ответил, что не могу принять такое предложение. «Если бы и встретил Павла, я бы сказал ему: "Будь верен до смерти, брат, и твоя верность да будет нам примером"». Ромашка опять извинился, что забыл рецепт.

Боли между тем усиливались, захватили сердце, желудок. Во время дежурства, у меня началось сильное кровотечение из носа, я упал. Диспетчер Грядунова увидела это, сильно перепугалась и закричала: «Хайло умирает!» Сбежались люди, начальник части Жугда дал команду вызвать скорую помощь. «К Хайло не приедем! К нему вызывайте участкового врача», — ответили. А участковый врач будет только к вечеру. Начальник сам стал звонить в скорую помощь: «Если вы не выедете сейчас же, я буду звонить в управление, в Ворошиловград. Хайло водитель боевой пожарной машины. Расчет остается без водителя, и я не могу его заменить, пока вы не приедете».

Скорая приехала, сделали два укола и отвезли в больницу. Врач Любовь Семеновна осмотрела, сделала еще два укола, выписала рецепт делать уколы через каждые три часа на шахтном медпункте. «Будем готовить вас к операции». На пределе своих сил я дошел до дома. Стал прощаться с женой и детками. «Как бы мне хотелось увидеть перед смертью брата Ивана Ивановича Скуматова». Жена пошла звать его, а мне как раз было видение. Как будто я нахожусь в больнице, всеми пренебрежен и голос мне постоянно твердит: «Посмотри, до чего ты дошел, почему Бог тебя не спасет?» Я стал молиться и вдруг увидел необыкновенного врача, который издали смотрел на меня, потом подошел, положил руку на плечо и спрашивает:

«Брат, что ты так приучил, ты не умрешь, а выздоровеешь, и много тебе еще придется претерпеть». И я сказал: «Только руку Ты, Господи, положил, как мне стало уже легче». — «Прочти двадцать первый Псалом и укрепись», — и ушел.

Я очнулся, увидел жену и брата, которого она позвала, и попросил их прочитать двадцать первый Псалом. Там было сказано про страдания моего Господа за меня, и я утешился. Брат плакал и говорил жене: «Он жить не будет, вызовем скорую помощь, он в бреду, у него высокая температура».

Скорая помощь отказалась приехать. В доме поднялся плач. Тогда старший сын, которому было пятнадцать лет, побежал сам вызывать скорую помощь. «К Хайло мы не поедem, перестаньте звонить, вызывайте участкового врача». Только после предупреждения жены, что будет жаловаться в правительство, что она мать одиннадцати детей и добьется, чтобы ее выслушали, врачи скорой помощи согласилась выехать. Врач зашел, посмотрел и говорит: «Мы для вас бесполезны, у нас нет таких врачей, которые могли бы вам помочь». Померил температуру – 42°С. Жена спросила фамилию врача. «Зачем она вам?» Сын тоже поднялся и говорит: «Вы не выйдете отсюда, пока не назовете свою фамилию. Или помогите чем-нибудь больному». Он сделал укол. Я сразу уснул. «Вот видите – ему легче. Когда плохо станет, вызовете опять скорую». И уехал.

На другой день меня отвезли в больницу. Повели под руку к терапевту. Она удивленно встретила нас. Медсестра объяснила: «Вы разве не знаете, по его поводу было заседание?». Терапевт возмущалась: «Ведь это же человек! Пусть он будет какого угодно убеждения, разве можно так издеваться над человеком? Нет, нет, я к нему даже не подойду, вы начали – вы и кончайте».

Потом все же обратилась ко мне: «Простите, я думаю, вам хорошо известна обстановка. Скажите, у вас есть здесь кто-нибудь близкий?» — «Жена». Обратилась к медсестре: «Позовите жену». Она пришла. Терапевт взяла у нее ранее выписанный рецепт, прочла и покачала головой: «Если он даже и выживет по такому рецепту, то останется слепой и глухой. Я вам только одним могу помочь». И выписала другой рецепт. «Есть у вас врач или медсестра из верующих? Пусть она ему делает уколы через каждые три часа. Никому больше не доверяйте».

Так попытку избавиться от меня или сделать предателем, как

предлагали сотрудники КГБ Ромашка и Егоров, Бог разрушил — я выжил. Я открыто им сказал: «Это ваших рук дело!» Тогда Ромашка в ярости ответил: «Ты живучая падаль! Другой бы давно сдох, а ты остался мучить нас. Мы хотели детей освободить от тебя и воспитать их атеистами, дать им пожить».

«Счастье ваше, что жена моя растерялась, а то увезла бы в Москву на самолете...»

«А кто бы допустил это? Мы бы тебя в самолете удавили. Если будешь жаловаться, мы скажем, что ты был здоров, просто притворялся. Знай, что все в наших руках! Обвиним тебя как клеветника на советскую власть и посадим! Не таких убивали, а тебя — что муху раздавить! Подошлем — тебя зэки в карты проиграют».

«За меня Бог. Если Он позволит, сделаете, а в вечности Он спросит».

«Наплевать мне на вечность, дай мне здесь пожить, а там пусть хоть черную смолу возить».

«Вы уподобились животному и не останавливаетесь, чтобы покаяться. Господь и сейчас ждет от вас покаяния. Но вы еще угрожаете, что сделаете хуже».

«Да, сделаем. Иди, пока гуляй и думай о будущем».

Меня и начальника части вызвали в Ворошиловград в управление противопожарной охраны. Нас принял управляющий полковник Пухгалов. Он спросил начальника:

— Что, там у тебя баптист завелся?

— Вот он сидит.

— Кто ты такой? — спросил меня управляющий.

— По вере христианин.

— Ты не должен работать в нашей организации. Бери расчет.

— Если у вас есть на это право, рассчитывайте меня сами.

— Я тебе такое устрою, что сам считаешься! Веришь в какого-то Бога; я читал ваше Евангелие, там написано в 50-м параграфе: «Обмани ближнего, ибо он обманет тебя» — я выучил эти слова!

— В вашем атеистическом уставе, может быть, и есть такие слова. Вот Евангелие, найдите их, пожалуйста.

Присутствовавшие здесь же два капитана улыбались. Управляющий пришел в ярость: «Я вас в тридцать седьмом сотнями передавил и переморил голодом, почему Бог не спас их от руки моей?»

Прошло немного времени и полковник Пухгалов на слете отличников пожарной службы в своем выступлении вновь настаивал: «Заделайте этому баптисту, чтобы он сам убежал».

В воскресенье, в мое дежурство, я пошел в гараж, принял машину ЗИЛ-130, потом пошел в другой гараж принять еще одну машину. Доложил, что все в порядке, машины исправны. Я видел, как начальник отряда Кононенко на ГАЗ-69 уехал. Прошло минут 20, объявили тревогу: «нефтебаза горит!» Я вскочил в машину, завел двигатель, но машина — ни с места! Сцепление кто-то натянул до отказа. Начальник дал указание пересесть на другую машину. За это мне вынесли строгий выговор. Следом объявили еще один якобы за прогул — и уволили. Почти месяц я не работал. Предоставил справку, что в тот день, который мне засчитали в прогул, я встречал жену из роддома. Начальник пытался доказать, что справка недействительна, а потом признался: «Что я могу поделывать, если горком требует тебя уволить».

Я пошел с жалобой на прием к первому секретарю горкома. Он вызвал прокурора, сотрудника КГБ, чиновника из исполкома. Я рассказал им, за что меня уволили. Секретарь горкома откровенно заявил: «Как вы думаете?! Мы, коммунисты, давили и будем давить вас...» Поднимается начальник части и говорит, что ему позвонили из горкома и КГБ и сказали: «Хайло уехал в Киев на демонстрацию, нес там плакат: "Долой советскую власть"».

Услышав это, я сказал: «Больше мне у вас делать нечего. Вы задались целью морить голодом моих детей, а меня сделать тунеядцем. Мне в самом деле остаётся написать плакат, взять детей и поехать в Москву, встанем перед зданием правительства с плакатом: «Дайте отцу работу! Вы отняли у нас последний кусок хлеба!»

— Посмотрите на авантюриста! — закричал секретарь горкома. — Я вам давно говорил, что его посадить надо. Попробуй поехать, да я тебя по дороге удавлю.

— Не к лицу вам, Василий Васильевич, первому секретарю горкома, вести себя так. Что мне остается делать?

— Неужели поедешь?

— Поеду.

После такого моего заявления они, посоветовавшись, отпустили. Прокурор распорядился восстановить меня на работу.

Пошёл я на дежурство. Начальник отряда Кононенко пригрозил: «Все равно я подберу к тебе ключи, я тебя выгоню».

Меня всячески ущемляли в зарплате. Рабочие все это видели, возмущались.

Однажды на общем собрании отряда решили послать ко мне домой комиссию: посмотреть, в каких условиях я живу и растут мои дети. Пришли в воскресенье, вся семья в сборе. С радостью принял их. Зорин и Акопян, члены парторганизации, посмотрели дневники моих детей, похвалили их. Проводил я их по-доброму.

Через время Зорин мне сообщил: «Был у меня корреспондент, который написал о тебе лживую статью, и просил меня подписать. Я отказался. После этого меня вызвали в горком и отобрали партбилет: "Хайло скоро вас там всех переагитирует в свою секту". Предложили Акопяну подписать статью, и он отказался: "Писать такое о Хайло, значит совсем потерять совесть. Мы были у него дома, принял он нас по-хорошему, дети живут нормально, учатся хорошо и одеты чисто и опрятно, не хуже, чем в семьях, где один-два ребенка"».

На следующее моё дежурство Зорин признался: «Хайло, я подписал статью, ты все выдержишь, тебе не привыкать, а мне из-за тебя не хочется терять партбилет, я его 29 лет ношу».

Статья в газете «Знамя коммунизма», подписанная товарищами, которые навестили меня дома, была отменно лживой. Оказывается, придя ко мне домой, они увидели старушек, больных заразными болезнями, которых я поставил на колени вместе с моими детьми, и они по два-три часа до обморочного состояния молились. Написали, что «Хайло построил нары из неструганых досок и кладёт на них детей раздетыми, говоря: "Христос страдал и велел нам страдать, а в вечности нас ждёт блаженство". Не разрешает детям вступать в пионеры, октябрята, комсомол, запрещает людям вступать в профсоюз, служить в рядах Советской Армии».

После этой статьи мне устроили товарищеский суд. Зорин от стыда не явился на собрание. Председательствующий Веревкин поливал меня грязью.

— Товарищ председатель, скажите, я член профсоюза? — спросил я.

— Да.

— Как же я могу запрещать людям вступать в профсоюз? Как я могу запрещать вступать в Армию, если сам до сих пор на службе? — достаю свой паспорт, где указана военная специальность.

На сей раз у них не получилось отнять судом детей.

На моих детей обрушились. Мои сыновья, Миша и Саша, учились во втором классе. Учительница выгнала их с уроков за то, что они не берут октябрятские звездочки. Я пошел с ними в школу и поговорил с учительницей.

— Вы нарушаете советские законы, дети имеют право не носить ваши звездочки, — говорил я преподавателям.

— Открывайте свою школу и учите сами, а в нашей школе все должны быть октябрятами, пионерами и комсомольцами.

Газета «Знамя коммунизма» продолжала кампанию лишить меня детей: «Дети Хайло угрюмы, необщительны, их жизнь отравлена религиозным фанатизмом. Их надо отобрать у родителей и передать на воспитание государству. Хайло нужно изолировать от общества, т.к. он не желает повиноваться законам о культах».

После этого мне пришла повестка явиться в милицию со старшим сыном. Там нас ждал работник КГБ Егоров. Он попросил меня выйти, чтобы поговорить с сыном. Потом вызвал меня, а сын остался за дверью. «Ваш сын совершил преступление: зажёг термитную шашку и бросил ее перед переездом. Транспорт простоял два часа, боялись ехать. Вот акт, подписанный автоинспекцией и двумя дружинниками. Автобазы и автоколонны требуют, чтобы вы возместили убыток, вызванный простоем машин. Откуда он взял термитную шашку?»

«Папа, не слушай, это ложь! Мне он говорил одно, а тебе — совсем другое», — открывая дверь, сказал сын.

Егоров приказал мальчика отвести на первый этаж.

«Владимир Павлович, вы все-таки подумайте над моим предложением о сотрудничестве с нами».

«Нет, Иудой я не стану».

Он спросил, когда я дежурю.

«Я вам выписываю повестку и прикажу. Вы должны явиться завтра со всеми документами. С вами хочет поговорить один человек. Это будет решительная и последняя беседа».

У меня сняли отпечатки пальцев, сфотографировали.

В понедельник я вышел на работу, но меня не допустили: «Иди в КГБ». Егоров ждал меня. При мне позвонил: «Что будем делать с Хайло?» Через два часа зашел незнакомый человек. Егоров вышел. Этот человек показал мне объёмистую папку:

— Это ваше уголовное дело. Тут много неправды. Я знаю вас как хорошего автоспециалиста и семьянина, честного человека, любящего правду и глубоко верующего. Знаете, может, и я верю, это не запрещено законом. Нам нужны люди глубоко верующие. Оставайтесь при своих убеждениях, но сотрудничайте с нами, и все эти документы (он указал на папку) будут ликвидированы. Вы останетесь с семьей, а если не согласны, будем судить.

— В чём я вам должен помогать?

— Совсем легкое дело. Мы позаботимся, чтобы у вас был авторитет среди верующих, и скажем за кем наблюдать.

— Шпионов среди верующих нет. Верующие проповедуют Христа распятого и обличают вас в незаконных поступках, а шпионов ищите среди своих. Вы хотите, чтобы я был Иудой? Никогда! Это — гибель. Он предал Христа и повесился. Христос учил: «Видишь согрешающего брата, пойдй и обличи», а вы учите выслеживать. Я могу обличать неправых.

— Да зачем ты мне нужен — тайну открывать?! В таком случае мы передаём ваше дело в прокуратуру...

Вошел Егоров:

— Есть успехи от беседы?

— Потратил зря весь день.

— Мы с ним бьемся десять лет, жалеем его, а он этого не понимает.

— У меня один Бог и одна правда, — сказал я.

— Где вы берете литературу? — перебили они меня.

— Там, где есть возможность.

— Мы хотим знать, где?

— Выпускайте духовную литературу и будете знать.

— Что с ним возиться, прикончить прямо здесь! — разгорячился Егоров.

Незнакомец ответил:

— Если уберем сейчас, вони будет на весь мир. Если надо, уберем — ушами хлопнуть не успеет. Не таких убирали... Где ваш сын работает?

— На машзаводе.

— Сколько зарабатывает?

— Больше ста рублей в месяц.

— Видите, какая помощь семье, а и вы не хотите нам помогать.

Если и дальше будете упрямяться, сын работать не будет, и вообще ваши дети учиться не будут.

После этого разговора сын принес зарплату 30 руб. Очень расстроился: «Папа, почему меня из-за тебя репрессируют? Сын за отца не отвечает». — «А меня, сынок, репрессируют как убийцу, вора, посягающего на чужое?». — «Нет, отец, за веру». — «Правильно, сынок. Так Господь говорит: "Пронесут ваше имя как бесчестное за имя Моё, радуйтесь". Так что не журишь, сынок, и не стыдишь своего отца».

Вызвали жену в больницу, якобы у Саши Хайло плохое зрение.

«У Саши хорошее зрение, — сказала глазной врач, — его вызывает невропатолог».

Оказалось, что у нее есть акт, что у Саши якобы бывают припадки на уроках. Он падает, бьется об землю головой, пускает пену изо рта, а когда придет в себя, ничего не помнит.

Саша заплакал прямо в кабинете: «Мама, со мной никогда ничего такого не было».

Жена пошла к классному руководителю Кравченко. Она говорит:

— Да, Саша заснул на уроке.

— Это разве припадок?

— Ваших детей хотят определить в спецшколу, вам будет легче.

— Мы не просили об этом.

После этих событий наших детей перестали спрашивать на уроках, переводили из класса в класс, не аттестовывали. Саше сделали какой-то укол, он стал нервным, непослушным, убегал с уроков, несколько раз убегал из дома. Я его находил замерзшим, упрашивал, чтобы он ходил в школу. Жена посидела с ним один урок, а вечером пришла за ним. В школе еще шли занятия. Саша стоял в пустом коридоре и плакал. «Когда ты ушла, пришла какая-то учительница, схватила меня за волосы и стала бить головой о стену, кричать что я разбил стекло, потом выгнала из класса: "Вон! Чтоб духу твоего здесь не было!" Как мне учиться? Вы меня ругаете и гоните в школу, а учителя выгоняют из школы».

В коридор вышли две учительницы, одна из них была та, которая била Сашу.

— Я сейчас вам все объясню! Я стояла, а Саша проходил мимо и говорит: «Завяжи шнурки».

— Вы могли нам пожаловаться, а не бить его.

— Я его не била! Это ложь.

У Саши еще шла кровь из носа. Жена заплакала.

Через день меня вызвали в исполком, где было человек 15 учителей, среди них — Цывирко Л. Г., которая к нам приходила, упрашивала, чтобы дети носили пионерский галстук, «иначе будет горе вам и вашим детям», — угрожала.

В исполкоме я рассказал, как издеваются над моими детьми.

«И правильно делают! — Мы свободу кровью добывали, а Хайло нам здесь баптизм разводить будет! Давите, чтобы с него юшка текла, — разошёлся завгороно, — а жаловаться будет, мы его же и разбирать будем. Наплодил нищеты, как китаец, кому она нужна?»

Били в школе и Лиду, и Мишу в присутствии учителей, и никто не заступился.

Как-то Саша ушёл из дому. Я пошел искать его. Вижу, у гастронома что-то высматривает Егоров. Наверное, он затевает что-то недоброе. Смотрю, Саша стоит с мальчиком лет пятнадцати, (Саше — 11 лет) и трутся у прилавка.

«Что ты тут делаешь?» — говорю мальчику, схватив того и другого за руку.

«Дядя, отпусти меня! Я не был дома три дня, меня папа ищет».

Саше я велел идти домой, а сам повел мальчика. «Где твой дом?» Дорогой он мне сказал, что у него мать учительница. Подошли к дому, вышла его мать: «Вова, когда ты перестанешь нас мучить? Отец устал платить штрафы за твои проделки». — «Ничего, мама! Капитан сказал, что скоро меня пошлют учиться на летчика! Вот только помогу им "упыря" втянуть в одно дело», — весело рассказывал он матери о своих похождениях. «В какое дело?» — поинтересовался я. «Надо чтобы он что-то украл в магазине или палатке, тогда его накروют и обезвредят». — «Тебя обманывают, толкают на подлое дело» — объяснял я мальчику.

Дома, когда все сидели за столом, я рассказал об этом странном случае. «Какого же "упыря" им нужно обезвредить?» — недоумевал я. Вова положил ложку: «Папа, так ведь "упырём" прозвали нашего Сашу». — «Вот оно что?..»

Дети стали наблюдать за Сашей и сказали мне: «Папа, какой-то мальчик зовет с собой Сашу. Он знает где лежит вино и конфеты. Он звал и Мишу с Иосифом, но они не пошли». На третий день при-

ехала милиция, якобы наш Саша обокрал магазин. Состоялся суд. На суде прокурор заявил, что Сережа (так звали мальчика, обокравшего магазин) попал под влияние малолетнего Хайло. Сашу без нашего ведома забрали на следствие. Внушали взять всю вину на себя. Он так и поступил. Присудили отцу выплатить 400 рублей.

«Ты всё еще будешь продолжать своё упорство и отказываться от сотрудничества с нами?» — не отставали от меня сотрудники КГБ. — Старший твой сын уже сидит, Сашу втянем! Как видишь, у нас неплохо получается. В этом году шестерых твоих сыновей "щёлкнем", нам дано указание...»

А с Анатолием они действительно поступили коварно: обвинили его в избиении и изнасиловании гулящей девицы Иры. Несмотря на то, что молодой человек, который ухаживал за Ирой сам признался, что избил её и сама Ира засвидетельствовала, что сын Хайло тут ни причём — Анатолия всё же осудили на 8 лет, а двух парней — к 9 годам.

Подали кассационную жалобу в Верховный суд Украинской ССР. Адвокаты представили все доказательства невиновности. Но жалоба была отклонена. Прокурор заявил: «Если подсудимые считают себя невиновными, значит виновата Белкина Ирина. Но мы не можем считать советских девушек лгуньями».

Анатолия отправили отбывать срок на Урал. Жена ездила на свидание, но ей разрешили пробыть с сыном только сутки, хотя полагалось трое. Начальник лагеря сказал, что Анатолий не участвует в общественной жизни лагеря, не ходит в кино, а «вообще он — послушный хороший парень».

* * *

Над младшими моими детьми продолжали издеваться в школе. А 16-летней дочери по окончании школы дали такую характеристику, что она не могла устроиться даже уборщицей.

В начале 1974 года меня обманным путём заставили на рабочей машине приехать в 18-ю пожарную часть и в присутствии незнакомых рабочих и сотрудников КГБ устроили суд. Обвинения предъявляли чудовищные: расколлот зарегистрированную общину и вовлёл многих граждан в секту; раздаю нелегальную религиозную литературу, клеветчу на советскую власть; проповедую в запрещённых местах: на работе, в автобусе. «Да, — говорил я, — это мой долг

рассказать людям о Боге и о возможности получить спасение. Конституция гарантирует мне это право. Вы меня укоряете за старшего сына Анатолия. Это вы без преступления сделали его преступником. Я благодарю Бога, что Он допустил это. За семнадцать лет я не мог сказать Анатолию, что вы ему сказали за несколько дней незаконного суда. Он верил вам, а теперь сам убедился в вашей "гуманности". Сын говорил: «Если бы этого не произошло, я погиб бы и никогда не распознал истину».

Я мог бы привести вам все доказательства его непричастности к сфабрикованному делу, но они вам не нужны.

Вы выслеживаете и терзаете ревностных верующих, а отступников от истины страхом удерживаете в зарегистрированных общинах. Они настолько запуганы, что говорят: «Лучше гореть в аду, чем сидеть в тюрьмах с отделёнными». Я сам слышал эти слова.

Вы врывались в мой дом, когда там проходило служение. С яростью и с криком оскорбляли верующих, штрафовали меня, оставляя моих детей без хлеба, а говорили: «Мы хотели спасти твоих детей от религии».

Завуч школы Цивирко Л. Г., не зная совершенно в чём суть нашей веры, выдумала то, чего не было. Якобы моя дочь вступила в пионеры, а когда пришла домой, затрепетала передо мной. Положила руки на Библию и сказала: «Папочка, миленький, клянусь Библией, я не брала галстук...»

Вы не знаете Евангелие, которое повелевает: «Не клянись!»

Кравченко Е. В. высказал очередную ложь.

— Я подам в суд на Хайло! Он распустил слух, что я пою его детей травами.

— Первый раз слышу это от вас! Это ложь, это ваша выдумка. Расскажите, как вы моих детей обманули: попросили их отнести цветы лечащему врачу в больницу, а потом уговорили принять уколы...

— Что мне было поручено, то я и сделала.

— Что это за уколы, после которых дети стали непослушными и стали убегать из дома?

— Ваши дети слабо развиты, поэтому мы сделали эти уколы.

— Без ведома родителей вы не имели право.

«Если родители не заботятся о детях, то педагоги имеют право», — заступился секретарь исполкома.

«Хайло очень опасный человек! — Выступил уполномоченный по

делам религий. — Его нужно изолировать от общества! Вы знаете, что он в 1961 году вышел из зарегистрированной общины и увел за собой человек 20. Они присоединились к СЦ в Красном Луче, а Совет церковей состоит из таких, как Хайло. Они воюют против законов о культах и требуют от правительства, чтобы распустили ВСЕХБ, а их поставить у руля. Правительство им отказало, потому что мы так сделать не можем: ВСЕХБ возглавляют наши честные советские люди и на любой зов органов они добросовестно отвечают нам. А эти отщепенцы увидели, что не признаны правительством, стали клеветать на советскую власть. Такая на Запад распространилась клевета о Вани Моисееве: "замучили за веру и утопили". Если мы своевременно не примем меры, то от Хайло будет еще больше клеветы. Я, как уполномоченный, предлагаю Хайло изолировать, а детей забрать и воспитать в коммунистическом духе. Если мы помедлим, то Хайло может передать все материалы за границу, в ООН через Сахарова, а он раздует на весь мир. Вы слышали, Хайло сам сказал: "Если вы меня запрячете, обо мне заговорят люди". А это верно: у них там есть Совет родственников узников, который проникает в любую щель и передает материалы за границу».

В заключении выступил секретарь исполкома:

«Предлагаю поставить Хайло условия: его уже никто не перевоспитает. Пусть идет в зарегистрированный дом молитвы, и другим подаст клич идти туда. Дети пусть вступают в пионеры, в октябрята и комсомольцы, и тогда государство переменит отношение к семье Хайло и его детям, государство будет помогать материально. А если Хайло не образумится и будет дальше упорствовать, то примем меры, которые предложил уполномоченный. Кто за это, проголосуем?»

Многие подняли руку.

Прошло несколько дней. По повестке мне приказали явиться в исполком к следователю с сыном Сашей, а его уже не было дома. Я попрощался с семьей и пошел сам. В исполкоме заседала административная комиссия: прокурор, секретарь, зав. гороно, судья, учителя, два милиционера и много незнакомых мне.

— Где Саша?

— Его забрали родные.

Началось замешательство, все заговорили разом:

— Какое вы имели право отдать ребёнка? Верните сейчас же!

Мы вам приказываем, чтоб через три дня Саша был дома, мы его отправим в спецучилище.

— Он живет у моего родного брата, там будет ходить в школу. Мой брат, как и вы коммунист! Пусть убедится, что вы сделали с моими детьми.

— Мы этого не допустим. Во что бы то ни стало надо вернуть ребенка!

— Пусть он учится не на государственном обеспечении, а на обеспечении брата. Вы заботитесь о моих детях, но вас не волнует, будут ли они лучше жить, лишь бы отнять их у меня. И для этого вы идете на любую подлость.

Оказалось, у них нет одного документа — о санитарном состоянии моего дома. И они прислали вторую комиссию. Все осмотрели, описали: корову, поросенка, мотоцикл, ульи, машину. Жена удивилась, что это за санитарный акт, если делают опись имущества?

Зав. отделом кадров потребовал от меня написать автобиографию. «Я работаю здесь четырнадцать лет и уже писал автобиографию, вторую писать не буду».

Придирки ко мне не кончались. Начальник милиции Котванов заявил:

— Ты не можешь работать в пожарных войсках МВД, потому что ранее ты был судим.

— Меня досрочно освободили и реабилитировали, как многих, кто пострадал при Сталине. В печати был опубликован Указ Верховного Совета СССР. Вы не имеете права напоминать мне об этом.

— Ах, ты болван! Тебе ли меня учить?!

Когда ругань утихла, я сказал:

— Хорошо, увольняйте, если имеете право. Тогда мне придется выслать военный билет Министру обороны...

Я вышел из кабинета начальника милиции и спускался по лестнице. Навстречу мне — милиционер, неожиданно он ударил меня в живот. Я потерял сознание. Они умеют бить. Очнулся опять на втором этаже.

— Ну, что, отослал военный билет? — смеется Котванов.

— Как вам не стыдно? Кричите о несправедливости на Западе, а сами в застенках людей убиваете.

— Молчать! Иначе все ребра поломаю! Куда пошёл?

— В медпункт, взять справку о побоях.

— Попробуй только. Кто тебе даст такую справку?!

* * *

— Два следователя КГБ пришли ко мне домой и допытывались: куда я писал жалобы?

— Во все инстанции, куда только мог, даже Брежневу.

— Неужели ты думаешь, до него дойдет? — смеялись они.

— Ему передадут мою жалобу из ООН, из Комитета защиты прав человека.

— Так, готовь, друг, сухари и прощайся навсегда с семьей, больше ты ее никогда не увидишь, — тихо свистнул следователь.

— Напрасно вы меня пугаете. Я еще в 1961 году, когда решил жить по Евангелию, попрощался с семьей. И знаю, что в этой стране вполне можно этого ожидать.

Пригласили на беседу в КГБ, но я не пошел.

Кажется, это было в ноябре 1973 г. Нас, отделенную общину, пригласили в молитвенный дом, куда должен был приехать пресвитер из Киева и областной пресвитер. Приехал областной пресвитер и заместитель старшего пресвитера по Украине. ВСЕХБ решил провести совместную беседу с отделенными. Началось служение, но служение было далеко не о единстве, а наоборот, удержать общину в отступничестве, осуждали отделившихся. После служения выступил Митин, областной пресвитер, и стал хвалиться как много будет выпущено Евангелий, Библий, сборников, журналов, кинофильмов о жизни христиан при советской власти. Потом предложили проповедникам, служителям и отделившимся остаться. Мы остались. Пресвитер из Киева спрашивает сестер: «Почему вы отделились?» Сестры ответили: «Мы ваших дел не знаем, спрашивайте у брата Хайло». Спросили меня.

— Братья, вы прекрасно знаете, почему мы отделились и не надо лицемерить, что на это нет причин. Мы отделились еще в 1961 г., когда в церковь вошли греховные антиевангельские документы, изданные еще в 1929 г. Но братья стояли в истине и пошли на мучения и страдания, лишались жизни, не допуская эти документы в церковь. А через ВСЕХБ удалось все-таки косвенными путями атеистам внедрить эти документы. Тогда дети Божьи возвысили голос и стали вас, служителей, вразумлять со слезами и решительностью. Вы же, гонимые страхом, не то чтобы вразумиться, а наоборот, стали изгонять нас, отлучать, устроили над нами зрелище, обливали грязью и насмешками, думая нас напугать, посеять сомнения. На-

зывали нас сатанинским обществом раскольников, служителями сатаны. А мы видели руку Божью, слышали Его зов и со дня на день укреплялись, уповали на Господа, а Господь на глазах наших разоблачал вас. Скажите эти документы греховные?

Все молчали.

— Да, греховные. И я предлагаю вам покаяться и примириться с Господом и Его народом. Иначе вы все погибнете. И я сегодня задаю вам вопрос: во чье имя вы собрались здесь?

— Во имя Господа, – ответили мне.

— Так неужели ваши положения сильнее Господа?!

— Всякая власть от Бога! – крикнул, не выдержав Митин.

Пресвитер из Киева посадил его.

— Возьмите этот Устав и увидите, что попрали имя Господа. Вы забыли, что Он сказал: «Если Я закрою, никто не откроет». Он знал, что будут инструкции, положения, а народу Божьему негде будет преклонить головы. Братья, этим «Инструктивным письмом» вы сделали общину мирской организацией. Когда мы читаем Откровение, видим, что Господь спрашивает с пресвитера за церковь, — а вы посадили исполнительный орган, который имеет власть больше, чем пресвитер, а пресвитера лишили того служения, которое вверил ему Господь. Я еще раз вынужден сказать тем братьям, которые находятся в этих органах: именем Иисуса Христа — покайтесь и сойдите с пути Корея. А к вам обращаюсь, старшие пресвитера, вернее, князья; подумайте чьи вы посланники. Я шел сюда с мыслью о единстве, думал, что вы откроете, в каком положении находится община на основе Слова Божьего. И думал: вот будет вопль стоять, от которого земля будет колебаться, а вы обольстили братьев, что община в должном состоянии, а народ Божий осуждали, вместо того чтобы заметить, где мы, «познавшие радость спасения, омытые Кровью Христа? Иль вы не видите наши мученья, или забыли заветы Христа?» Вы все знаете, что братья-служители сидят по тюрьмам и лагерям, мир возвел на них оковы неправды и не лучше ли нам вместе склониться перед Господом и ходатайствовать перед правительством, чтобы освободили братство? И тогда, собравшись вместе, на основе Слова Божьего сделать единство. Но я смотрю, братья, и сердечно скорблю: вы не посланники от Господа, а посланники от властей. Вас послали проверить, кто еще стоит в вере и предать их. Я знаю, что вся эта беседа станет известна КГБ и мне предстоит

держат ответ перед ними. Пузин еще в 1971 г. говорил: мы пойдем на риск и решительно будем сажать всех служителей отделенных церквей, потом посылать представителей ВСЕХБ и звать рядовых членов церкви в зарегистрированную общину, и принимать без всякого покаяния, а тех, кто еще стоит твердо против законов культа, — заводить дело и сажать. Вот и сегодня: не посланники вы от Господа, а посланники Пузина, и я именем Иисуса Христа прошу: покайтесь. Посмотрите, до чего вы довели общину!

— Он далеко зашел, его не перевоспитать. Жаль только остальных членов его группы, — сказал старший пресвитер.

— Кончайте эти разговоры, это все бесполезно. У нас есть дела поважнее, — сказал Митин.

Мы ушли. Рядовые члены общины желали слышать, что здесь говорилось, но от них скрыли.

Краснолучинская община стала как бы пробуждаться, вести жизнь по Писанию Христа. Избрали новых служителей, было согласие вместе верно служить Господу. Избранный служитель позвал меня на дом и наедине стал просить, чтобы я поехал к братьям в Совет церквей и передал, что он желает, чтобы братья рукоположили его. Братья обрадовались, но просили предупредить нового пресвитера, что есть великая разница между служением по учению Евангелия и тем, как несут службу под влиянием ВСЕХБ. «Если он готов нести служение по Евангелию, если понимает все это, то мы готовы приехать, пусть объявит время и оповестит общину, мы приветствуем его и совершим рукоположение».

Я в точности передал эти слова пресвитеру. Но прошло дней 10, как пресвитер объявил, что приедет Митин рукополагать его. Мне было печально это слышать. Я думал, неужели брат не убедился в неискренности старшего пресвитера? Почему он избегает меня как брата и друга? Я пошел к нему домой и стал спрашивать; он стал грубо оправдываться: «Каждый даст отчет за себя». Я тогда рассказал ему одну быль.

Это происходило в 1937 году на Херсонщине. Один брат рассказал про своего отца, который был в то время пресвитер в одной общине. Принесли ему анкету уполномоченный по культам, ту, что нам сейчас предлагают, а ты без всякого стеснения подписываешь. Он не подписал. Его посадили как врага народа. На семью возвели такой поклеп, что даже верующие их стали обходить. Все имущество

конфисковали, жене и детям запретили даже выходить со двора покупать и продавать. Сказали: пусть Бог вас питает и обогревает. Деток было 6 человек, старшему — 12 лет. Брат говорит: «Мы до того обносились, что были голые, а мама каждое утро находила под двором сумочки с сухарями, крупой и разной едой, которые кто-то подбрасывал нам. Вот так мы питались почти три года. Одежанием мамы была ряднушка, которой она окутывалась. Ночью мы зарывались от холода в солому и спали до утра. Часто ночами думали, что принесет нам утро. Работать в колхозе маме запретили. Уехать куда-нибудь у мамы не было сил. Мы ожидали, что вот-вот и маму заберут.

Однажды весенним днем, когда мы сидели полуголые на дворе под солнышком, вдруг кто-то постучал в калитку. Мама открыла калитку, и мы увидели папу. В слезах радости мы упали на колени и благодарили Бога. Папа вытащил из сумки черные сухари и раздал нам: снял арестантский жакет и прикрыл маму. Мне было восемь лет, я тогда сказал, что буду служить Богу. Мы были пухлые и слабые. Папа в слезах стал нас утешать, сказал, что теперь он свободен и будет работать, а мы, дети, будем носить воду рабочим — и у нас будет хлеб и одежда.

Вдруг, возле нашего двора остановилась машина. Мы все подбежали к окну, в машине сидели солдаты. Они вышли из машины и направились к дому. Папа говорит: "Что им еще надо?" Мы перестали есть сухари, которые были очень вкусные, один только самый меньший, Павел, которому было три года, продолжал есть.

Вошли офицер и солдат. Когда они взглянули на нас, то оторопели и долго молчали. Молчали и мы. Потом офицер проговорил: "Вот, видишь, до чего твое упрямство довело. Подпиши эту анкету и мы выдадим тебе право пресвитера, зарегистрируем молитвенный дом и служи своему Богу". Папа ответил: "Это не я довел, а ваша атеистическая идеология довела мою семью. Оставьте меня в покое; я буду день и ночь работать, чтобы одеть и прокормить моих детей". Офицер сует папе анкету. "Нет, я ее не заполню, в Евангелие написано: двум господам служить невозможно, одному будешь потворствовать, а о другом нерадеть. Подписать я не могу, потому что подписать — значит исполнять". Тогда солдат начал упрашивать со слезами: "Пожалей жену и детей". Отец посмотрел на нас и говорит маме: "Вы самый дорогой подарок от Господа, люблю вас всем существом, люблю более всего на земле, но Господа больше.

И если я сейчас подпишу эту анкету, я останусь с вами, но Господь оставит нас. Если не подпишу, то Господь останется с нами и Он позаботится о вас. А меня опять заберут и, может быть, мы здесь на земле не увидимся, ибо много братьев за эти анкеты ушли в вечность преждевременно". Папа попросил разрешения у офицера, чтоб помолиться. Когда все пали на колени и с сильным воплем взывали к Господу, папа в молитве предавал нас в руки Господа, а мы — папу. И когда сказали "Аминь", рядовой солдат так же стоял на коленях в слезах и ответил "Аминь". Офицер стоял и плакал. Папа снял с себя верхнюю одежду и отдал маме. Солдат отдал свою шинель. Папу увезли, и мы больше его не видели. Получили извещение, что от болезни папа умер в 1941 году.

Офицер обещал, что позаботится о нас. И верно: вскоре нам оказали помощь».

После рассказа я обратился к Ивану Ивановичу: «А ты Иван Иванович, пренебрег памятью тысячей братьев, которых погубила эта анкета, — без всякого стеснения встал с колен, когда тебя рукоположили, и при всех служителях подписал и заполнил эту анкету.

Но все эти доводы и рассказы были бесполезны, братья продолжают коснеть в отступничестве.

Дорогие братья и сестры! Сами рассудите и поступите, как вам укажет Господь. А мы останемся неизменно любящими Господа и всех вас.

Да благословит вас Господь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Верховный суд УССР

ЗАЯВЛЕНИЕ

К кассационной жалобе по делу Лахова Петра, Скуматова Виктора и Хайло Анатолия от свидетелей по по этому же делу Никериной С. Л., Доли В. А. и Авдюшкина Александра.

Мы, свидетели, возмущены тем, как проходил суд по данному делу. Суд не выслушал свидетелей, извращал наши показания в пользу Белкиной Ирины. Мы знаем, что эта девочка несерьезная, легкого поведения и, как было показано на суде, она сожительствовала с двадцатилетним Сычевым Валерием с 12 лет, который избил ее из-за ревности в тот вечер 14 апреля в 10 часов вечера. Это было доказано магнитофонной лентой, а также другими показаниями.

Выступление родителей Хайло и Скуматова суд не стал брать во внимание. Судья сказал; что речь записанная на магнитофонной ленте, может быть и не Сычева. В то время, когда сама пострадавшая Белкина подтвердила, что действительно запись речи Сычева. Она сама присутствовала при записи этой речи, когда Сычев говорил с братом Скуматова Михаилом.

Судья видел, что истина подтверждена, но стал грубить Хайло, обвинять его в том, что тот сделал преступление перед советским законом: «Кто вам дал право записывать речь посторонних людей, за это вас нужно судить».

Хайло стал требовать, чтобы вызвали свидетелей Шандро Александра и Скуматова Михаила, которые могут доказать, что Белкину бил Сычев. Судья отказался вызвать свидетелей.

Я, Доля, была очень поражена поведением судьи Демченко И. Г. Я предложила судье дать мне повестки, чтобы привести в суд двух свидетелей, очевидцев, что Белкину бил Сычев. Судья отказался, сказав: «Подумаешь, ударил один раз, на ней уже и следов нет от побоев».

Тогда адвокат Ключерова З. А. заявила: «Гражданин судья, так почему же должны нести ответственность за это избиение подсудимые? Снимите тогда это обвинение с подсудимых, чтобы это обвинение нигде в деле не фигурировало».

Но суд не посчитался с этим заявлением, всю вину за избиение возложили на подсудимых. Я, Доля, и все свидетели поражены. Когда я просила повестки, Сычев стал мне прямо на суде угрожать. Я обратила внимание на это судьи, но судья ответил: «Нас не интересует, что вы там говорите друг другу. Если он вам сделает что-нибудь, подавайте заявление, мы разберемся». Мы, как свидетели, считаем такое поведение судьи недопустимым.

Прокурор Милешко В. В. в своем выступлении говорила, что эти трое подсудимых обесчестили честь советской девушки, хотя прекрасно знала, что Белкина с 12 лет жила половой жизнью, что Белкина развратная девушка, за которую говорит весь Машзавод, где она проживает. Мы просим вас запросить характеристику Белкиной из школы, а также мы заявляем, что 14 апреля мы все были вместе и видели, что Белкина не была избита, всем своим видом она показала, что ничего не случилось, молча села на мотоцикл к Лахову с букетом цветов и уехала с ним. На другой день мы узнали, что Белкина заявила на ребят, что они ее избили и изнасиловали.

Я, свидетель Никерина С. А., как медработник не сказала бы суду по внешнему виду Белкиной, что это было изнасилование, мне не раз приходилось видеть женщин, которые переносили такое, и состояние их никак не было похоже на состояние здоровья Белкиной. Просим вас поступить гуманно, разберитесь с делом подсудимых и примите во внимание поведение Белкиной. Ведь она сама навязывается к ребятам, а потом губит молодых юношей. Белкина без всякого стыда, который должен быть у порядочной девушки, нагло врёт, показывая на ребят, что они ее били, насиловали. И показывает на Хайло, что он с ней был, когда трое свидетелей подтверждают, что Хайло с ней не был. Он зашел в посадку за хворостом и сразу вышел оттуда со Скуматовым и Белкиной. Просим вас отнестись к делу с гуманной стороны, пересмотрите все подробности показаний свидетелей и выслушайте внимательно обе стороны.

Свидетели: Никерина С. А., Доля В. А., Авдюшкин.

Г. Красный Луч Ворошиловградской области.

Прокуратура СССР
Прокуратура Украинской Советской
Социалистической Республики
Индекс 252601, г. Киев, Резницкая, 13/13
26 августа № 4-17626-73

Гр. ХАЙЛО В. П. и ХАЙЛО А. В.
Ворошиловградская обл.,
г. Красный Луч, шахта
22-4 бис, ул. Северная, 11.

Ваши жалобы на необоснованное осуждение Хайло А. В., поступившие из Прокуратуры СССР, рассмотрены.

Изучением дела в прокуратуре УССР установлено, что Хайло А. В. за участие в групповом изнасиловании несовершеннолетней Белкиной осужден обоснованно.

Его вина подтверждается показаниями потерпевшей Белкиной, свидетелями Никериной, Доля, Саломатовой, заключением судебно-медицинской экспертизы.

Действия квалифицированы правильно и мера наказания назначена судом в соответствии с законом.

Оснований к опротестованию судебных решений по делу заместитель Прокурора УССР не усматривает.

Приложение: копия приговора.

Прокурор отдела по надзору
за рассмотрением в судах уголовных дел
Советник юстиции

Г. Гаврилюк

Содержание

Записки верующего Владимир Хайло	1
Заявление в Верховный суд УССР	29
Ответ Прокуратуры СССР	31